

Это полузабытьё, в котором У Ваньи пребывал подобно живому труп, тянулось бесконечно долго.

Почти всё это время он не вставал с постели. Единственной его пищей была цветочная роса, которой его бережно поил Ми Юньцзинь, — больше он не притрагивался ни к чему.

Но удивительно — он выжил. И даже терзавшие его тело недуги больше не изводили его невыносимой, сводящей с ума болью.

Впрочем, сам У Ваньи едва ли понимал, жив он ещё или уже мёртв.

Он не ел, не пил и не спал; разум полностью отделился от тела, погрузившись в тягучее оцепенение, похожее на бесконечную пустоту.

Порой он переставал чувствовать собственную плоть, теряя всякую связь с реальностью.

Ему казалось, будто он то покачивается на волнах, то медленно опускается на морское дно, то безвольно парит в бескрайнем безмолвии Млечного Пути.

Время потеряло для него значение: он не знал, сколько сменилось дней и ночей.

Он безучастно, остекленевшим взглядом смотрел в потолок, и весь его мир сузился до этой тусклой, безжизненной белизны.

С тихим щелчком отворилась дверь. В комнату вошёл Ми Юньцзинь и неторопливым движением раздвинул шторы.

Внутри широким потоком хлынул яркий солнечный свет — даже сквозь стекло чувствовалось его живое, ласковое тепло.

«Неужели уже лето?»

Неподвижный, точно покойник, У Ваньи медленно повёл глазами, но так и не смог повернуть затекшую, словно окаменевшую шею.

Он не видел окна, и застывший в его глазах бесцветный сумрак не могла рассеять даже эта залившая комнату лазурь.

Наконец Ми Юньцзинь бережно поднял его и перенёс в кресло у окна.

Потоки ослепительного золота коснулись его лица, мягко укутывая и согревая всё измученное

тело.

Ресницы У Вань судорожно дрогнули. Из уголка глаза сама собой выкатилась чистая, прозрачная слеза.

Пальцы слабо вздрогнули. В ярких лучах его смертельно бледная кожа казалась почти прозрачной.

«Какое яркое солнце...»

Ми Юньцзинь принялся медленно, прядь за прядью, расчёсывать его отросшие волосы. Спутанные локоны падали на лицо, закрывая глаза и касаясь кончика носа.

И свет снова померк.

Прохладные пальцы мягко приподняли его подбородок, и сквозь тёмную завесу волос У Вань встретился взглядом с Ми Юньцзинем.

Его лицо казалось ослепительнее полуденного солнца и прекраснее предзакатного неба.

В безжизненных глазах У Вань промелькнула едва заметная тень осмысленности. Мутный взор постепенно прояснился, фокусируясь на лице мужчины.

Срезанные пряди мягко осыпались на пол, и мир перед глазами У Вань постепенно обретал чёткие очертания.

Омытый солнечным светом, Ми Юньцзинь предстал перед ним во всем своем неземном великолепии.

Почувствовав этот взгляд, Ми Юньцзинь опустил свои золотистые глаза, и их взоры пересеклись.

В это мгновение зыбкое одиночество рассеялось, уступив место ощутимой, непреодолимой силе притяжения.

Невидимая, но прочная нить протянулась от У Вань обратно к реальности, и удерживал её на другом конце именно Ми Юньцзинь.

Лёгкое, щекочущее прикосновение бритвы коснулось его подбородка. У Вань даже не шелохнулся, заворожённо разглядывая лицо, оказавшееся так близко.

Они находились настолько близко, что чувствовали дыхание друг друга.

С каждым выдохом яркие, полные губы Ми Юньцзиня, казалось, почти неощутимо задевали его собственные.

Оба молчали, и их дыхание смешивалось в согретом солнцем пространстве, сплетаясь в единое целое.

Закончив бритьё, Ми Юньцзинь мягко протёр его лицо влажным тёплым полотенцем, возвращая коже свежесть и чистоту.

— Хочешь выйти на улицу, погреться на солнце? — спросил Ми Юньцзинь, переводя взгляд на залитый светом двор. — Сегодня чудесный день.

У Ваньи послушно следил за его движениями. В лучах солнца золотистые глаза Ми Юньцзиня сияли особенно ярко.

У Ваньи промолчал, но и возражать не стал.

Ми Юньцзинь снова подхватил его на руки и тихо проговорил:

— Давай сначала вымоем тебя, а потом пойдём погреемся.

Его неторопливый голос звучал всё так же мягко и хрустально-чисто.

Бессильно свисающие пальцы У Ваньи едва заметно дрогнули.

К нему начали возвращаться воспоминания.

Он вспомнил, что все эти безликие дни именно Ми Юньцзинь заботливо обмывал его изнурённое тело. Вспомнил, как каждый вечер тот укрывал его одеялом, а по утрам раздвигал шторы, впуская новый день. Подобные разговоры велись между ними уже бесчисленное множество раз.

Когда одежда была снята, истощённое, исхудалое тело У Ваньи предстало в зеркале во всей своей пугающей наготе.

Сейчас его облик был далёк от прекрасного: резко очерченные рёбра обтягивала бледная кожа, создавая болезненное, почти пугающее впечатление.

Прежде просто бледная кожа теперь отливала мертвенной синевой, напоминая иссохшую древесную кору, пропитанную безысходным отчаянием.

Ми Юньцзинь действительно не мог исцелить его недуг — в его силах было лишь притуплять непрекращающуюся боль.

У Ваньи безучастно смотрел на собственное отражение.

Лишь спустя долгое время он осознал, что этот измождённый, похожий на призрак человек в зеркале — он сам.

Его взгляд дрогнул от этого осознания.

Но не успел он погрузиться в невесёлые думы, как его подбородок мягко приподняли, и сверху хлынули тёплые струи воды.

— Закрой глаза.

Он послушно зажмурился, позволяя согревающим струям унести прочь нахлынувшую горечь.

Пальцы Ми Юньцзиня, длинные и изящные, скользили по его телу. Кожа мужчины была настолько нежной и гладкой, что напоминала безупречный, дорогой нефрит.

У Ваньи чувствовал эти прикосновения: они скользили по мокрым волосам, опускались к шее, ласково оглаживали впалую грудь, узкую талию и плоский живот...

Не выдержав, он перехватил ладонь Ми Юньцзиня, когда та опустилась ещё ниже.

Горячая вода разбивалась об их переплетённые пальцы и крупными каплями срывалась на кафельный пол.

Открыв глаза, У Ваньи сквозь пелену водяных брызг посмотрел на лицо мужчины.

Ми Юньцзинь лишь бросил на него спокойный взгляд и без лишней спешки высвободил свои пальцы.

У Ваньи вновь закрыл глаза и плотнее свёл бёдра.

Сквозь мерный шум бегущей воды до него донёсся тихий, вкрадчивый смешок Ми Юньцзиня.

Короткий, но совершенно отчётливый.

У Ваньки лишь крепче сжал губы.

В тех местах, которых касались пальцы мужчины, запоздало разгоралось сладостное, похожее на слабые разряды тока покалывание.

Чистого, свежевыбритого У Ваньки перенесли в сад и усадили на качели.

Полуденное солнце грело во всю силу.

Проникающее сквозь поры тепло прогоняло застоявшийся в костях холод, разливаясь по телу приятными горячими ручейками.

Лето действительно вступило в свои права.

У Ваньки прикрыл глаза, чувствуя, как его истерзанную, иссохшую душу наконец наполняет хрупкое умиротворение.

Вдруг сиденье качнулось. Онемевшие пальцы послушались мгновенного инстинкта самосохранения — они вырвались из ледяного плена оцепенения и крепко вцепились в канаты.

За его спиной раздался негромкий смешок.

Перепуганное сердце У Ваньки медленно вернулось в привычный ритм, но этот насмешливый звук заставил его забиться как-то по-особенному взволнованно.

Он нерешительно пошевелил пальцами, не зная, стоит ли отпустить канаты или продолжать сжимать их.

Однако это секундное потрясение вернуло ему ощущение собственного тела — он снова обрёл над ним контроль.

И мир вокруг мгновенно преобразился: солнце над головой показалось жарче, налетающий ветерок — ласковее, трава под ногами — сочнее, а витающий в воздухе цветочный аромат — гуще.

Но главное — Ми Юньцзинь. Прикосновение его ладоней к спине У Ваньки ощущалось поразительно чётко, разливая по телу горячую волну.

— Сегодня чудесный день, не правда ли?

Голос Ми Юныцзиня звучал так же мягко и чарующе, как всегда.

Качели взмывали всё выше. Встречный ветер взъерошил его волосы, принося струю чистого воздуха; У Ваньи открыл глаза и сквозь дрожащие ресницы посмотрел на раскинувшиеся в вышине пушистые облака.

— Да... очень, — хрипло отозвался он.

На пике взлёта на секунду возникло чувство невесомости, а затем сиденье устремилось вниз, где его плавно и надёжно перехватили сильные руки.

Даже не оборачиваясь, У Ваньи кожей чувствовал, сколько тепла исходит от широкой груди за его спиной.

В его душе против воли зародилось пагубное, непреодолимое желание припасть к этому источнику тепла, сбросить свои разбитые, никуда не годные доспехи и обнажить израненное сердце.

Но чем теплее становилось, тем сильнее была боль.

Он изо всех сил вцепился в канаты и, когда качели снова взмыли вверх, зажмурился. Из уголка глаза выкатилась слезинка. Сорвавшись, она на мгновение блеснула в воздухе прозрачной бусиной и бесследно растворилась в золотых лучах.

Пока качели не замедлили ход, У Ваньи так и не открыл глаза.

Бешено колотившееся от высоты сердце мгновенно успокоилось, стоило ему почувствовать, как сзади его бережно придерживают тёплые ладони.

И от этого покоя ему стало невыносимо тоскливо.

Пальцы, сжимавшие канаты, побелели от напряжения. Он открыл глаза и глухо спросил:

— О какой услуге ты просил меня тогда?

«Это всего лишь сделка. Взаимовыгодный обмен».

И он прекрасно это понимал.

Руки за его спиной замерли.

Весенняя прохлада словно испарилась, воздух вокруг сделался тяжёлым и удушливым.

У Ваньи безучастно уставился в пустоту. Окружавшие его деревья, зелёная трава и лазурное небо скользнули по его сетчатке едва заметной рябью и исчезли, оставив после себя лишь неподвижную, мертвую гладь остекленевшего взора.

Из-за спины долго не доносилось ни звука.

Он сидел на качелях неподвижно, точно изваяние, а его руки безвольно соскользнули с канатов.

Внезапно солнце перед ним заслонила чья-то фигура. Медленно подняв голову, он увидел преградившего свет Ми Юньцзиня, который молча разглядывал его.

— Тебе не нравится качаться на качелях?

Его взгляд оставался прежним — бездонным, безмятежным и непостижимым.

У Ваньи почувствовал, как сердце болезненно сжалось. Этот простой вопрос отозвался внутри резким спазмом, заставив всё его окоченевшее тело мелко задрожать.

Готовые сорваться с языка слова застряли в горле, наткнувшись на плотно сжатые губы.

Он вновь погрузился в мучительную внутреннюю борьбу, которая терзала его без пощады.

— А мне они очень нравятся, — вдруг мягко произнёс Ми Юньцзинь.

В следующий миг У Ваньи ощутил странную лёгкость. В голове зашумело, а когда он пришёл в себя, то обнаружил, что сидит на коленях у Ми Юньцзиня, который сам устроился на деревянном сиденье.

Качели снова пришли в движение, взлетая всё выше и выше. Налетающий ветер окончательно вымел из головы У Ваньи все связные мысли, оставив лишь звенящую пустоту и растерянность во взгляде.

Поскольку Ми Юньцзинь был немного выше ростом, а исхудавший У Ваньи казался совсем хрупким, со стороны могло показаться, что он полностью растворился в чужих объятиях.

Это походило на то, как иссыхающая капля росы падает в бескрайний океан, обретая

долгожданное спасение.

С каждым новым взмахом качелей ноги У Ваньи отрывались от земли всё дальше.

Он слегка прикусил губу. Бессильно свисавшие вдоль тела руки невольно поднялись и ухватились за полы халата Ми Юньцзиня.

Одной рукой Ми Юньцзинь придерживал его за талию, другой крепко сжимал верёвку качелей. При каждом подъёме длинная коса мужчины взлетала на ветру, обнажая изящную татуировку цветка на шее, который в лучах солнца казался невероятно ярким, почти живым.

Сердце У Ваньи, опомнившись после секундного оцепенения, заколотилось в бешеном, рваном ритме. Он явственно ощущал прижатую к спине широкую грудь Ми Юньцзиня, которая дарила такое тепло, что сопротивляться искушению прижаться сильнее было выше его сил.

Весь мир вокруг них закружился в неистовом танце.

Чудилось, будто невидимые ласковые пальцы скользят по его коже, проникая глубоко под плоть и взрываясь мириадами сладких искр.

Потоки налетающего ветра приносили с собой густой аромат, исходивший от Ми Юньцзиня, — этот запах словно соткал вокруг них невидимый кокон.

Нежная, едва уловимая сладость кружила голову, напоминая тот самый вкус росы, что каждое утро оставался у него на губах — чистый, природный и бесконечно манящий.

Но в то же время за этим хрупким благоуханием угадывалось нечто иное — первобытное величие и безмолвная мощь бескрайней пустыни, заставлявшие без оглядки довериться этому существу.

У Ваньи сделал глубокий вдох и откинул голову назад, подставляя лицо небу.

Измученная душа словно освободилась от тяжкого груза, наполняясь звенящей легкостью.

Солнечные лучи ласкали его лицо, когда он вновь тихо, но отчётливо произнёс:

— И всё-таки... какая помощь тебе от меня нужна?

Спустя мгновение над самым его ухом раздался неторопливый, бархатистый голос Ми Юньцзиня:

— Я хочу позаимствовать твоё тело... чтобы ты помог мне с опылением и посевом.

<http://bllate.org/book/20309/2192574>